

Глава 1

Калужская губерния, имение Савиных, 1872 г.

Коля Савин сидел в своей комнате и смотрел в окно. Дождь упрямо стучал в стекло прозрачными струями, видимо, пытаясь что-то сказать на своем, только ему понятном языке, ветер швырял листьями, разрисованными красками осени.

Настроение юноши было таким же хмурым, как осенняя погода.

Вытащив перо из чернильницы, он притянул к себе белый, девственный лист бумаги и поморщился, когда жирная черная глянцевая клякса упала посередине.

Коля вспомнил, как учитель словесности, высокий худой старец с вечно красным носом, ругал его за неаккуратность, сравнивал с Митрофаном Простаковым. Преподаватель арифметики, с длинным лошадиным лицом, безуспешно пытался научить Савина таблице умножения.

Сказать, что Коле совсем не давалась учеба, было бы неправильно. Когда мальчик садился за уроки, ему казалось, что все его существо противится получению знаний. Родители часто ставили ему в пример старшего брата — так часто, что ребенок начинал потихоньку его ненавидеть.

Сергей, похожий на отца, отставного поручика, такой же коренастый и некрасивый, с чуть выпиравшими

вперед передними зубами, уже учился в университете. В отличие от Коли он был покладистым ребенком, учителя приходили к Савиным домой, готовя Сержа к поступлению, — и он с блеском выдержал все экзамены.

С Колей, любимцем матери, взявшей от нее, светской красавицы, ради детей отказавшейся от балов и других удовольствий, тонкие черты лица, огромные голубые глаза и пшеничные густые волосы, родители поступили иначе.

Юноша сознавал, что сам виноват в этом. Сначала его пробовали обучать дома, как и Сергея. Многочисленные гувернеры и учителя сменяли друг друга, пытаясь научить ребенка хотя бы чему-нибудь, но Николаша, как Митрофан в известной комедии, всячески противился. Он откровенно зевал на уроках, ковырял пальцем в носу, демонстрируя педагогам содержимое ноздрей, давил мух, а когда глаза начинали слипаться после сытного обеда, клал голову на стол и засыпал, не обращая внимания на негодование учителей.

Мать Фанни Михайловна, тихая, кроткая, пугавшаяся любого шума, пыталась его образумить, отец обещал выпороть на конюшне, но ничего не помогало. Коля попросту стал убегать через окно, как только очередной несчастный преподаватель стучался в его комнату, чтобы поделиться знаниями.

И вот наступило время, когда родители признали свою полную несостоятельность в воспитании сына. Они собрались в гостиной на семейный совет, не подозревая, что сын, прятаящийся под лестницей, слышал каждое слово.

Отец, Герасим Сергеевич, облаченный в засаленный домашний халат неопределенного цвета, шмыгая длинным хрящеватым носом, закинув ногу на ногу и разглядыв-

вая старые потертые домашние туфли, вещал голосом, не терпящим возражения:

— Николая совсем отбился от рук, дорогая Фанни. Нам нужно признаться, что мы с ним не справляемся. Я вижу только один выход — отдать его в солидное учебное заведение.

Фанни Михайловна вздрогнула. Мысль расстаться с любимым сыном была ей явно не по душе.

— Может быть, попробовать нанять других учителей? — Она до сих пор робела перед мужем, как девчонка-институтка перед начальницей.

Савин раскатисто захохотал:

— Нанять других учителей? Вы серьезно? Да над нами, наверное, уже смеется вся Москва. Вы думаете, эти преподаватели пытались научить только нашего недоросля? Нет, нет и нет. Я нанимал лучших, обучавших детей графов и князей. Представьте, что они говорили о нашем сыне в домах высокопоставленных людей!

— И все равно, — женщина поднесла к губам тонкий пальчик, — разве ничего нельзя больше сделать? Давайте найдем преподавателей подешевле.

Отставной поручик покачал лысоватой головой:

— Эка куда хватили! Подешевле... Я сказал — нет, и это мое последнее слово.

— Но куда же вы отошлете нашего сына? — выдохнула бедная женщина.

Суровый поручик улыбнулся про себя. Он очень любил жену и всегда огорчался, когда она нервничала.

Разумеется, ей не хотелось отправлять из дома любимого мальчика, но, похоже, Фанни смирилась с тем, что это придется сделать. Как же иначе вывести его в люди? Николенька не безнадежен, нужно просто-напросто устроить его в учебное заведение, чтобы домаш-

няя обстановка не действовала расслабляюще. И ничего страшного в этом нет — там его не съедят.

Герасим Сергеевич достал газету и показал ей статью, подчеркнутую карандашом:

— Может быть, вы не слышали, что в Москве Катков открыл лицей? Лучшие люди нашего города отправили туда своих детей.

— Лицей Каткова? — Фанни наморщила белый гладкий лоб.

Да, ее светская подруга, графиня Новицкая, что-то говорила об этом. Кажется, ее старший сын Алекс уже учился там.

— Разумеется, я навел о нем справки, — продолжал поручик. — Это очень солидное учебное заведение. Надеюсь, там трудятся опытные педагоги, которые хорошо повлияют на нашего мальчика и подготовят его в университет. К тому же праздники он будет проводить у моей матери... Читать ей вслух «Московские ведомости». — Он хохотнул, вспомнив любовь старушки к этой газете, которую она почти не выпускала их рук.

Фанни достала белоснежный кружевной платок и приложила его к глазам.

«Мамочка, пожалуйста, не соглашайся», — молил Коля, но женщина вдруг произнесла:

— Да, Герасим, вы правы. Наверное, другого выхода нет. Но не надо ли обратиться к кому-нибудь из наших знакомых, чтобы он сделал Николая протекцию?

— Я уже поговорил с графом Волинским, — отозвался отец, и Коля понял, что его участь решена.

Он выскочил из своего укрытия и бросился к ногам матери:

— Мамочка, родненькая, любимая, — сын обхватил ее колени, поливая их горячими слезами, — не отдавай

меня в лицей. Клянусь, я стану хорошо себя вести. Пусть папенька пригласит новых учителей. Они не будут на меня жаловаться, обещаю.

Светлые глаза женщины наполнились слезами, и она обратилась к мужу, спокойно смотревшему на эту сцену:

— Герасим, может быть...

Отставной поручик тряхнул головой, как раздраженная полковая лошадь, и так же фыркнул:

— Вы, молодой человек, насколько я помню, не в первый раз обещаете хорошо себя вести, но слово свое не держите. А я, в отличие от вас, держу. Лицей сделает из вас человека. В противном случае нашу семью ждет позор, и я этого не допущу.

Коля отпустил колени матери и повалился на мягкий персидский ковер, забившись в истерику.

Фанни Михайловна, с пылавшими щеками, хотела кинуться к нему, но Герасим Сергеевич схватил ее за руку:

— Сидите, дорогая. Давайте подождем, когда ему надоест эта клоунада.

О, как Коля ненавидел тогда своего отца! Ненавидел в нем все: и лысоватую голову с остатками седых волос, и слезящиеся глаза болотного цвета, и глубокие морщины на пергаментном лице....

Он заорал еще больше, но отставной поручик, потянув жену за руку, вывел ее из гостиной, оставив мальчика одного.

Коля еще немного покричал и затих. Он поднялся и подошел к огромным древним часам, с каким-то остервенением отсчитывавшим секунды и сообщавшим о каждом новом часе оглушительным боем, от которого дрожал весь дом.

— Я убегу, — твердо заявил он часам — они казались ему сообщником родителей — круглолицым человеком, равнодушно взиравшим на его беды. — Ей-богу, убегу.

Через три дня отец вез его в лицей Каткова, самое элитное учебное заведение в Москве.

Лицей располагался на Большой Дмитровке — этакое внушительное здание в стиле модерн — и назывался Императорским лицеем памяти Цесаревича Николая Александровича. О его основателе, Михаиле Никифоровиче Каткове, в обществе ходили разные слухи. Его публицистические статьи будоражили, вызвали полярные оценки. Вот почему одна часть общества величала его борцом за русскую правду, русским просветителем, а другая нарекла менее торжественно, даже оскорбительно — будочником русской прессы и жрецом мракобесия.

Назвать свое детище в честь рано умершего цесаревича Николая, наследника Александра II, тоже придумал Катков. Он хотел, чтобы лицей обрел такую же славу, как Царскосельский, в котором учился великий поэт Александр Сергеевич Пушкин.

Именно поэтому Михаил Никифорович настоял, чтобы это учебное заведение распахивало двери только перед отпрысками дворянских семей, впрочем, не отказывая и детишкам богатых купцов и священников.

Основатель был непреклонен и в отношении религии — сюда принимали только христиан, и никого больше. Катков определил строгую стратегию деятельности лицея — воспитание подопечных в духе Самодержавия, Государственности, Церкви.

Когда Герасим Сергеевич, торжественно ведя сына за руку, оказался в атмосфере классицизма, которой, казалось, здесь было пропитано все — даже пуговицы на сюртуке швейцара, он почувствовал благоговение и радость — сын в надежных руках.

Классным наставником Коли оказался высокий молодой человек с узким, некрасивым, очень серьезным лицом

(оно внушало доверие Савину-старшему), в очках с тонкой оправой, приветствовавший нового воспитанника с кислой улыбкой.

— Ну что, мсье Савин, — он еле выдавил из себя улыбку, — позвольте поздравить вас с поступлением в наше учебное заведение. Надеюсь, вы слышали, что наши ученики прилежно занимаются и хорошо себя ведут. Наш лицей известен всей России, и учиться в нем — большая честь. Вот почему мы не терпим шалости и непослушания.

Под его пристальным взглядом, который будто прошивал насквозь, Коля опустил голову.

Он сразу невзлюбил своего ментора, почувствовав, что не понравился ему. Неужели этот долговязый журавль прочитал его мысли?

— Меня зовут Александр Илларионович Юшкевич, — представился классный наставник. — Пройдемте, я покажу вам вашу комнату.

Коля бросил на отца отчаянный взгляд, но Герасим Сергеевич, потрепав сына по плечу, заторопился уходить.

Мальчику казалось, что с уходом отца уходит и его свобода.

— Пойдемте, — повторил Юшкевич и скорее потащил, чем повел нового воспитанника. — Думаю, вам не терпится увидеть свои хоромы.

В его твердом голосе не слышалось иронии, и это было странно, потому что Николая поселили в маленькой комнатке, с железной кроватью, с комодом и бюро.

Позже Коля узнал, что такие комнатухи у всех лицеистов.

Савин тут же хотел плюхнуться на серое, похожее на казарменное, тонкое одеяло, но наставник остановил его:

— Скоро обед, молодой человек. Пока рекомендую ознакомиться с расписанием. — Он улыбнулся, даже не улыбнулся — просто растянул губы. — Наши воспитанники встают очень рано, в шесть часов.

— В шесть? — Коля дернулся, как китайский болванчик. Он, баловень матери, обожал поваляться в постели. — В шесть часов? Но это невозможно.

На бледном лице Александра Илларионовича не дрогнул ни один мускул.

— Подъем в шесть, — еще раз сказал он и повернулся к двери, небрежно бросив через плечо: — За вами придет гувернер.

Ментор удивительно бесшумно закрыл за собой дверь, как бесплотная тень, и Николай почти упал на кровать, звякнувшую под тяжестью его тела.

В шесть часов! Подумать только! Летом — еще куда ни шло, но осенью и зимой... Вставать так рано, когда за окном крошечная тьма. Господи, за что родители так наказали его? Почему не дали шанса?

Он обхватил руками голову, дернув себя за пшеничную прядь, и непременно заплакал бы, хотя считал, что плачут только девчонки, если бы гувернер Алексей, высоким лбом и круглым лицом напоминавший Ломоносова, не постучал в комнату:

— На обед!

В коридор потянулись воспитанники. Алексей, отрывисто отдавая команды, строил их в шеренгу.

Коля по привычке хотел поартачиться, побузить, но, увидев, что остальные мальчики послушно строятся, встал рядом со стройным подростком, похоже, не старше его.

— Не раздражаете?

Подросток покачал головой и с интересом спросил:

— Новенький? Не видал вас раньше.

— Новенький, — мрачно отозвался Коля и опустил голову.

— Тогда позвольте представиться — Павел Савицкий. — Лицо у стройного мальчика было тонкое и благородное.

Савин напрягся. Он где-то слышал эту фамилию. Вполне возможно, ее не раз упоминали родители, следовательно, семья мальчика принадлежала к высшему обществу. Впрочем, ничего удивительного, здесь учились дети важных сановников и богатых купцов.

— А я Николай Савин. — Под команду Алексея мальчики медленно двинулись в столовый зал. — Трудно тут учиться, наверное. — Он скорее констатировал, чем спрашивал.

Павел потрянул соломенным чубом:

— Ничего, можно привыкнуть. Поначалу мне казалось, что я никогда не привыкну к лицейскому распорядку. А потом ничего, даже понравилось. Правда, пошалить нельзя. Тут с шалостями строго. Провинившихся сажают на полдня в темную комнату. — Он зевнул и прикрыл рот рукой. — А это, согласитесь, скучно.

Стройная шеренга вошла в большой столовый зал, и лицеисты стали рассаживаться по своим местам. Гувернер беспокойно обвел глазами зал в поисках свободного места для новенького и усадил Николая рядом с рыжим веснушчатым пареньком с большим смешливым ртом.

— Принимайте нового товарища!

Рыжий, цветом волос напоминавший Коле клоуна из цирка, хмыкнул:

— Здравствуйте. Я Иван Полетаев.

Коля назвал и без аппетита принялся хлебать наваристый суп.

— Что после обеда? — шепнул он рыжему. — Сон? Савин привык, что после обеда отец погружался в спячку, как медведь зимой, и его храп доносился до гостиной.

Иван расхохотался:

— Сон? Как бы не так. Лекции у нас, господин Савин. Сейчас пойдем на чистописание. А потом еще уроки. Да не переживайте вы так! Привыкнете. Кстати, прогулки по саду у нас очень часты. Вам здесь понравится.

Коля ничего не ответил, только мрачно посмотрел на рыжего.

Он хотел сказать, что ему здесь не понравится никогда, это совершенно точно, как дважды два четыре. А еще он убежит отсюда, дайте время — и убежит. Но стоило ли открывать душу богатеньким мальчишкам? Вряд ли они бы поняли его. Скорее всего, лицеисты выдали бы его надзирателям, которые постарались бы ограничить его свободу.

Савин оставил тарелку с недоеденным супом и принялся катать хлебный мякиш.

Гувернер тут же сделал ему замечание, и Николай досадливо поморщился.

Вскоре Алексей снова строил их в шеренгу. Лицеисты пошли в класс, на урок чистописания.

Профессор Иванов, тучный отечный мужчина, не понравился Савину. Он сразу придрался к почерку новенького, заметив, что Николай получит немало нареканий от начальства, если не заставит буквы стоять ровно, как солдаты на параде.

Коля заскрипел пером, изображая старание и стараясь сдерживать слезы. Он хотел домой, к маменьке и папеньке, и уже ненавидел лицей всем сердцем.

В первый день своего пребывания в этом учебном заведении мальчик дал себе клятву сбежать при первой же

возможности — и клятву не сдержал, даже забыл о ней через несколько месяцев.

Неглупый и общительный, он подружился с ребятами, и вскоре они дружно выпускали лицейскую газету, со всем пылом молодости решая, чьи стихи поместить в очередном номере.

А стихи здесь писали многие. Коля тоже попытался подбирать рифмы, и это выходило у него неплохо, но сами стихи получались какими-то короткими и глупыми.

Он решил, что это занятие не для него, его душа не лежала ни к одному предмету. Математика казалась скучной, чистописание утомляло, языки, особенно латынь, наводили тоску. Немного оживляла гимнастика, однако стоило задуматься о будущем, многие его товарищи уже знали, кем станут.

Коля пробовал погрузиться в книги, начал читать без разбора, но и они оставили его равнодушным. При чтении Савина занимало лишь одно: как тот или иной писатель создал свое творение? Где он взял терпение?

Взвешивая на руке какой-нибудь толстый том, мальчик представлял худого замученного человека в очках, не видевшего ничего, кроме белых листов бумаги и чернильницы.

Вот это труд! Интересно, хорошо ли за него платят? Хотя какая разница, он бы помер от такой работы!

Этими мыслями Савин поделился с Иваном Полетаевым, с которым сразу подружился.

Рыжий Ваня был такой же непоседливый любитель проказ, как и Коля, и не раз сменял своего приятеля в комнате для наказаний.

— Ерунда это все, — досадливо отмахнулся Ваня. — Я вот думаю на праздники в оперетту сходить. В театре, между прочим, новую оперетту поставили, «Прекрасная Елена». Многие от нее в восторге.